

Паду к ногам твоим

Часть первая

Вдоль глухого оврага ломали дома. В отдельных местах, там, где собирались заливать бетонные основания под фермы подвесной дороги, ровняли склоны, ставили опалубку. Катилась вниз, в пропасть, срубленная верба, унизанная желтыми созревшими сережками. Шуршали камешки. Облачко пыли, приправленное пахучей пылью погибшего дерева, поднялось и рассеялось по молодым листочкам кустарника и первотравью.

«Фьюрть? Фьюрть? Фьюрть?» — о чем-то спрашивала крикливая любопытная пичужка. Из черной глубины бодрой скороговоркой ей отвечала другая: «Тир-тир-тир! Тир-тир-тир!»

А люди были заняты. Пронзительно пищали отдираемые доски. Тут и там слышались крики: «Берегись!» — и бревна катились по следам, расшвыривая по сторонам залежалые клочки мха, пакли и тряпок. Скоро остались здесь одни печки с белеными трубами.

Евланьюшкин дом тоже попал под снос. Она, сидя на завалинке, обхватив голову сухими желтыми руками, причитала:

— Куда приткнуть мне головушку-у? Куда притулить мою горемычную-у? Все-то живут парами, а я одна-одинешенька, я одна сиротинушка-а...

Перед Евланьюшкой стояли два мужика. Она смотрела на них в щелки меж пальцев и думала: «Ладно ли реву-то?» Тот, что высок да при галстукке, уж больно суров. Женская слеза солона, горька, жалостлива, прилипчива до сердца мужика. А этого не трогала. Только Евланьюшка начинала выдыхаться, как он принимался шпынять:

— Решайте. Решайте! У меня слов нет — о нервах помолчу! — объяснять: ничего не выплатите. Или берите деньги, или получайте квартиру. Одно из двух. А ждать... Не можем больше. Через суд сселим: вы, капризная женщина, задерживаете стройку.

Евланьюшка вроде б не слыхала: мы не под дождем — подождем. Мерно покачиваясь, отчего косячок платка с рисованной глазастой ромашкой ходил маятником, она причитала:

— Ласточки мои, хлопотуньюшки мои. Разорят вас люди злые, но найдете вы новое местечко. Прилепитесь под тихи-им карнизом. Где ж я, завялая сиротиночка, совью себе заветное гнездышко? Нету больше у меня силушки-и...

Мужчина пониже — кум Андреич. Лицо у него как из глины вылеплено. И обожжено — бурое, как сосновая кора, в бороздах, местами даже будто задымилось. На нос потратили глину другого качества — покраснее. Словно стесняясь своего носа, Андреич поминутно оборачивает его тряпкой и сморкается.

И Андреича видит Евланьюшка. Кум услужлив.

— Доверься ж мне — не погибнешь. Вот, гляди ж, перед честными людьми крещусь, — говорил он. — Четыре тыщонки дают — бери с радостью, удовольствием. Да сруб сбудем. Вот и на три жизни тебе хватит. — Кум хохотнул: — И мне, твоему радетелю, на табачок, поди-ко, останется.

— Ох, глазоньки мои карие, мои заплаканные. Куда же, глазоньки, мне кинуть вас? Куда посмотрети-и? Чужое все, холодное. Холодное — неродное...

То, что Евланьюшка его вроде б совсем не слышит, обижало и сердило кума Андреича. Но он не зря слыл человеком терпеливым. Ни словом, ни видом не выказал он недовольство. Наоборот, еще добрей стал:

— Грех берешь на душу, кума. В близком родстве, конечно, не числимся, однакось... не отталкивай старого друга. Надежа крепкая. Да сама знаешь. Спытала не единожды. Гнездышко тебе — приходи, живи. Потеснимся. Добро людское помним. И добром платим.

Конец ознакомительного фрагмента

***

Уважаемый читатель!

Придя в Библиотеку,

Вы сможете прочитать эту книгу

полностью на нашем компьютере